

В докладе речь пойдет о происхождении и бытовании словосочетания *Медный Всадник* в русских поэтических произведениях, созданных в 1830-е годы – как в качестве их названий, так и в качестве компонентов текста. Соединение существительных *всадник* и *медь* при описании монумента Петра Первого в Петербурге встречается на тесном стиховом пространстве в некоторых стихотворных произведениях конца XVIII века; однако соединение существительного *всадник* с эпитетом *медный*, по данным авторов, впервые в русской поэзии представлено в стихотворении А. И. Одоевского «Сен-Бернар», написанном в 1831 г. в Петровском Заводе во время сибирского заключения автора: «В полночной мгле, в снегах, есть конь и всадник медной». Между «Сен-Бернаром» и поэмой Пушкина, созданной Болдинской осенью 1833 г., обнаруживаются и другие яркие параллели, свидетельствующие о знакомстве автора поэмы со стихотворением Одоевского. Несколько его стихотворений в 1830–1831-м гг. было анонимно опубликовано в «Литературной Газете» Дельвига – Сомова – Пушкина. Докладчики предполагают, что рукопись «Сен-Бернара» тоже была послана из Сибири в Петербург для той же газеты, но публикация не состоялась из-за прекращения выхода последней в середине 1831 г. Рукопись же стихотворения могла быть Пушкину известна; таким образом, при создании поэмы он мог использовать отдельные образы, мотивы и языковые фрагменты из «Сен-Бернара».

В конце марта 1835 г. в газете «Литературные прибавления к Русскому Инвалиду» было напечатано стихотворение с названием «Медный Всадник», подписанное *И. Петров*. Автором стихотворения был харьковский губернский казначей, поэт и прозаик Иван Матвеевич Петров, находившийся весной 1835 г. в Петербурге. Стихотворение обнаруживает очевидные лексические, синтаксические и содержательные связи со вступлением к одноименной поэме Пушкина, опубликованным четырьмя месяцами ранее в «Библиотеке для чтения» под названием «Петербург. Отрывок из поэмы». В стихотворении Петрова имеются также переключки с текстом других частей поэмы Пушкина, а это говорит о том, что она в той или иной степени была Петрову известна. Скорее всего, источником его сведений о поэме Пушкина был брат поэта Лев Сергеевич, прошедший осень 1834-го и начало 1835 года в Харькове. Будут рассмотрены, с одной стороны, параллели стихотворения из «Литературных прибавлений...» с поэтическим творчеством самого И. М. Петрова, а с другой – его своеобразные рефлексии в стихотворении Пушкина «Пир Петра Первого», написанном (тем же размером – 4-стопным хореем – и той же 8-строчной строфой, что и стихотворение Петрова) спустя несколько месяцев и опубликованном в первом томе «Современника» за 1836 год; тем самым здесь выявляется своеобразная переключка двух поэтов (возможно, не вполне осознававшаяся ими).

Впервые поэма «Медный Всадник» была напечатана – посмертно – в 5-м томе «Современника», вышедшем в свет в июне 1837 г. (тем самым, в июне текущего 2012 года имел место 175-летний юбилей первой публикации поэмы). В том же томе мы видим стихотворение **В. Романовского «Петербург с Адмиральтейской башни»** (именно так – с мягким знаком в прилагательном!); в последующие же два года в печати появились еще пять стихотворений, в которых также явно ощущается влияние поэмы Пушкина. Это три стихотворения 1838-го года: в 10-м томе «Современника» – упомянутый «Сен-Бернар» **А. Одоевского** и «Город» **Н. Прокоповича** («<...>Чудо! Волю полубога / Понял доблестный народ, / И Европы у порога / Из лесов и из болот / Встал красавец полуночи <...>»); в «Московском Наблюдателе» (ч. 18) – «Медный Всадник. Сознание России у памятника Петра Великого» **И. Ключникова** («На краю вселенной смело / Он воздвиг наш дивный град»; «Посмотри, как конь могучий / От земли несется вдаль»). К 1839 году относятся два стихотворения: «Памятник Петру Великому»

А. Подлинского («Столицы Невской посетитель, / Кто-б ни был ты, – Петру поклон! / Сей Медный Всадник – это он, / Ее державный прародитель! / Как мощны конь и человек!») и «**Утро перед памятником Петра Великого**» **Б. Федорова**. («Се! длань простерший над Невой, / Летит наш исполин державный»).

Упомянутые шесть стихотворений ощущались, по-видимому, как своеобразные реквиемы – отклики на выход в свет великой поэмы.